

ИЗЪ ПОЛКОВОЙ ЖИЗНИ.

I. Въ крѣпости.

Вчера я былъ рундомъ по городскимъ карауламъ 2-го отдѣленія. Главный карауль, гдѣ должны находиться дежурный по карауламъ и рундъ, находится внутри старой N—ской цитадели, внизу огромнаго трехъэтажнаго зданія, такъ называемыхъ, Александровскихъ казармъ.

На длинной и узкой караульной платформѣ одиноко шагаетъ часовой отъ будки и колокола и до противоположной стороны; свободные люди караула сидятъ за желтыми деревянными столами и тянутъ свой безконечный, свѣтлый, извѣстный ранѣе подъ громкимъ названіемъ «фельдфебелевскаго», свѣжезаваренный чай, закусывая его не менѣе популярнымъ въ караулахъ ситнымъ— «полхлѣбчикомъ». Бравый унтеръ-офицеръ съ звенящей связкой большущихъ ключей въ рукахъ неумоимо снуетъ взадъ и впередъ

по всему громадному и безпокойному караулу, т. е. по всѣмъ тремъ этажамъ, безпрестанно открывая и закрывая многочисленныя общія и одиночныя камеры и степенно выкрикивая старшему послѣ него ефрейтору: «Остапенко, останься на моемъ мѣстѣ!».

Караульный начальник сидѣлъ въ своемъ глубокомъ клеенчатомъ, съ бѣлымъ мятымъ чехломъ, креслѣ и внимательно штудировалъ, въ который уже разъ, старый и истрепанный уставъ гарнизонной службы.

Дежурный по карауламъ капитанъ Лейниковъ—холостякъ и большой спортсменъ—сидѣлъ за своей неизмѣнной и кропотливой работой приведенія въ порядокъ и систему длиннѣйшаго списка всѣхъ когда-либо служившихъ въ полку офицеровъ, со дня его основанія. Работа большая и упорная, съ которою нашъ надиво работоспособный архивариусъ отлично справлялся, свободно разбираясь со всѣми ея многочисленными трудностями и шероховатостями...

Я думалъ было тоже взяться за свой дневникъ, въ который я уже давненько не заглядывалъ, какъ дежурный по карауламъ приказалъ мнѣ отправиться теперь же на повѣрку карауловъ и постовъ, расположенныхъ въ крѣпости и въ старыхъ фортахъ, входящихъ въ составъ карауловъ 2-го отдѣленія.

Я тотчасъ же взялъ съ собою списокъ карауловъ, полевую книжку, съ которой никогда не расстаюсь, и отправился въ служебный путь...

Солнце весело сіяло, было сухо послѣ утромъ прошедшаго дождя и я быстро добираюсь черезъ небольшую площадь съ зеленой Александровской колонной до высокихъ старыхъ валовъ нашей цитадели.

Красивая и красочная, такъ дорогая сердцу военнаго, широкая панорама открылась тамъ передъ мною, когда я взобрался на высокій зеленый траверсъ крѣпостного вала.

Впереди, внизу, за отдѣльной эскарповой стѣною и глубокимъ старымъ рвомъ съ лѣнливо бѣгущимъ и засореннымъ ручьемъ, густо обросшимъ громадными вѣтвистыми ветлами, осокой и мелкой акаціей, уныло шагаль по узкому прикрытому пути одинокій часовой съ винтовкою подъ мышкою.

Дальше зеленый поясъ фортовъ съ высокими, рѣзко выдѣляющимся на свѣтломъ и ясномъ фонѣ неба, массивными траверсами, будто чудовищными горбушками чернаго солдатскаго хлѣба, и нуш-

ками устарѣлаго типа—этими, словно приготовившимися прыгнуть, сѣрыми гигантскими лягушками; еще дальше быстро двигающіеся бѣлые дымки поѣздовъ близъ расположеннаго N—скаго вокзала и беспорядочныя кучки деревянныхъ домовъ маленькой бѣдной деревушки на фонѣ далекаго темнаго лѣса...

Справа протянулись ломанными, причудливо изогнутыми, лпніями, мощные крѣпостныя валы, съ массой высокихъ каменныхъ отдушинъ и трубъ, а за ними всегда такая сонная, апатичная и спокойная старушка Висла раскинулась этой ранней и теплой весной грязной матовой полосой, вся взбухшая, метущаяся, вздувшаяся, въ своихъ низкихъ и песчаныхъ историческихъ берегахъ....

Еще дальше, на томъ берегу, далекая набережная батарея и чернѣющая полоска окрестнаго лѣса, частые дымки поѣздовъ другого вокзала, цѣлое море домовъ большого предмѣстья, и сѣрое мрачное, вдругъ снова нахмурившееся небо, съ быстро бѣгущими черными оборванными клочьями грязныхъ и непривѣтливыхъ дождевыхъ тучъ...

Слѣва доносится глухой и шумный рокоть большого польскаго города, пронзительныя свистки фабрикъ и заводовъ, далекій неясный гомонъ и громкій стукъ колесъ.

Тамъ, за этой пестрой бездной разноцвѣтныхъ мокрыхъ крышъ, блестящихъ золотыхъ главъ новаго русскаго собора, высокихъ строгихъ шпицевъ старыхъ польскихъ костеловъ и коричневыхъ фабричныхъ трубъ, кипитъ и бьется мощнымъ, живымъ и неустойчивымъ ключомъ неугомонная людская жизнь, а здѣсь, въ этой старой забытой крѣпости, стоитъ страшная и жуткая тишина, царитъ мертвое гнетущее спокойствіе. великое спокойствіе сознанія когда-то сильной и грозной, мщной, военной твердыни.

Провѣривъ караулъ при куртинѣ № 5, я снова поднимаюсь на валъ и по узкой крутой дорожкѣ бѣгомъ спускаюсь въ крѣпостной ровъ, къ старому заброшенному дозорному пути.

Высокая и крѣпкая, кирпичная эскарповая стѣнка съ узкими, словно средневѣковыми бойницами, сплошь испещренная, столь обычными многочисленными солдатскими подписями, фамиліями, памятками, годами и сроками службы, встрѣчаетъ меня, сдерживая мой головокружительный спускъ внизъ.

Послѣ шумнаго, такъ богатаго видами верха, съ интереснымъ широкимъ кругозоромъ, открывавшимся мнѣ съ высоты большого

траверса главнаго крѣпостнаго вала, здѣсь внизу, въ этомъ узкомъ глухомъ коридорѣ, между такъ высоко уходящимъ вверхъ гигантскимъ зеленымъ валомъ съ одной стороны и непреодолимымъ каменнымъ эскарпомъ съ другой, меня вдругъ молчаливо окружило настроеніе какого-то тихаго, мирнаго и успокаивающаго своей ничѣмъ ненарушимой крѣпостной тишиной чувства полнѣйшей независимости, незамѣтности, почти безпомощнаго дѣтскаго одиночества...

Кругомъ такъ тихо и мертво, что у меня даже срывается: «Боже, какая тишина кругомъ!»

Есть что-то цѣломудренное, благоговѣйное, въ этой тиши, меня окружающей, и первый разъ въ жизни, забывъ себя и слившись съ нею, я наслаждаюсь этимъ свободнымъ покоемъ, глубокой тишиной, абсолютнымъ одиночествомъ.

Я вдругъ почувствовалъ себя какимъ-то особымъ, страннымъ, слабымъ и робкимъ, безусловно одинокимъ, безпомощнымъ, лишь ничтожной заброшенной крупинкой, маленькимъ атомомъ, ненужной жалкой величиной, лишь скромнымъ рядовымъ, одиночнымъ бойцомъ, для котораго предназначена вотъ одна изъ этихъ узкихъ вертикальныхъ бойницъ, съ такимъ короткимъ обстрѣломъ наружнаго крѣпостнаго рва съ протекающимъ ручьемъ, двумя корявыми ветлами, небольшимъ кусочкомъ контръ-эскарпа и узкой, тонкой полоской протоптанной часовыми зеленой травы...

Я закрываю глаза и силюсь представить себя солдатомъ въ окружающей меня боевой обстановкѣ, съ казенною трехлинейною винтовкою въ рукахъ, просунутой въ бойницу въ ожиданіи врага.

О, это такъ легко себѣ представить, среди этой крѣпостной обстановки, въ такомъ приподнятомъ настроеніи, и это такая огромная радость, радость военнаго, что кажется нѣтъ тебя, какъ человѣка, нѣтъ твоей собственной личной жизни, неутѣшнаго горя, нѣтъ заботы и печали, ничего нѣтъ, все отходить куда-то далеко, далеко —туда наверхъ, въ эту шумящую пасть большого города, гдѣ такъ странно торчатъ, словно испорченные гнилые зубы, черныя, грязныя, закоптѣлыя трубы фабрикъ и заводовъ...

Здѣсь, въ составѣ своего милаго и роднаго полка, ты не такая ужъ мелкая, пустая и ничтожная величина, какъ тамъ, въ разноголосой чуждой жизни, а нѣчто нужное, сильное и крѣп-

кое; ты — его маленькая полковая частичка, а въ немъ все важно, все нужно, все необходимо...

И если горе, заботы и жизнь хмурятъ твой лобъ, бороздятъ глубокими морщинами твое открытое, честное солдатское лицо, гнетутъ твою усталую душу, серебрятъ волосы и обидно отсчитываютъ — предѣльные годы, припади къ полку, товариществу, солдатамъ, иди къ нимъ, такимъ преданнымъ, старательнымъ и самоотверженнымъ, скорѣе скрой свое бѣдное больное сердце въ складкахъ стараго полкового знамени, бѣги въ музей — хранилище двухсотлѣтней полковой старины, подними опущенную голову, взгляни на этотъ скромный поломанный бѣлый крестъ подъ почерпѣлымъ серебрянымъ орломъ и воспрянь душою!

Забудь все и помни о полкѣ и чести, ибо все измѣняется и проходитъ, все кончается и умираетъ, смѣняются цѣлыя поколѣнія и составъ полка, но не измѣняется полкъ и его исторія и вѣчно живъ онъ въ своихъ священныхъ традиціяхъ, дѣдовскихъ обычаяхъ, старыхъ боевыхъ преданіяхъ, завѣщанныхъ славными предками!

Я тихо бреду вдоль кирпичной стѣнки съ дугообразными арками, заложеными толстыми массивными бревнами, съ каменными водостоками и широкими дверями многочисленныхъ сараевъ, сплошь истыканными штыками часовыхъ, и черными, поломанными и наполовину наполненными водой, бочками у пороховыхъ погребовъ мѣстныхъ крѣпостныхъ войскъ.

Я тихо иду до перваго поворота, съ тяжело перекинувшимся кирпичнымъ сводомъ, интереснымъ, старымъ сводомъ, съ обвалившимися кирпичами, заросшими какими-то кустами бойницами, высокимъ одиноко растущимъ деревцомъ, мирно пасущейся черно-пѣгой съ бѣлыми подпалинами коровой и сиротливо торчащей крупной полосой желѣза, на которой звонко прыгаль и шатался заржавленный обрывокъ откуда-то занесенной крыши...

Гдѣ-то рѣзко сорвалась испуганная стая воробьевъ, запищала, зашумѣла и быстро разсыпалась по сосѣднимъ кустамъ.

Я достаю карандашъ, набрасываю эти строки въ полевую книжку и иду дальше, полный какихъ-то новыхъ, сильныхъ, еще неуловимыхъ чувствъ и пріятнаго душевнаго спокойствія.

Но вотъ ровъ прерывается валами какого-то громаднаго соору-

женія, откуда несется глухой неясный шумъ ѣзды и людскихъ голосовъ. Что это?..

Догадываюсь, что гдѣ-то вблизи крѣпостныя ворота и мостъ; дѣйствительно, дозорный путь, вдругъ прекращаясь, ведетъ по узкой каменной лѣстницѣ въ толщу главнаго вала, гдѣ, развѣтвляясь, поворачиваетъ направо подъ ворота и поднимается вверхъ. Я иду туда, откуда неясно слышу солдатскій говоръ, спотыкаясь въ темнотѣ о ступеньки, какія-то стѣнки и загородки, повороты; наконецъ передо мною дверь.

За ней я различаю горячій солдатскій споръ, гогочущій неудержимый хохотъ и громкій звонъ опрокинутаго мѣднаго чайника. Дверь прикрыта такъ неплотно, что сквозь верхній ея край, я различаю не только бѣлые своды знакомаго караульнаго помѣщенія съ характерными желтыми пятнами отъ сырости, но и черные прожженные кресты—эти непременные спутники прошлогодней страстной недѣли. Я открываю дверь и вхожу въ караульное помѣщеніе.

Среди ужаснаго шума падающихъ табуретовъ, дружнаго топота ногъ и звяканья ружейныхъ прикладовъ объ асфальтовый полъ, поднявшагося вдругъ при моемъ появленіи, раздались короткія и громкія команды караульнаго начальника и, когда, среди сразу наступившей тишины, онъ молодцовато съ высоко поднятой головой подошелъ ко мнѣ съ рапортомъ, я приложилъ руку къ фуражкѣ и внимательно слушаю его:

— Ваше - скородіе!.. Въ караулѣ Его Императорскаго Величества, при Михайловскихъ воротахъ и на постахъ состоятъ: унтеръ-офицеровъ 1, ефрейторовъ и рядовыхъ 17. До настоящаго времени, въ караулѣ и на постахъ происшествій никакихъ не случилось!

Отрапортовавши, онъ круто поворачивается и становится на свое мѣсто.

Я обхожу караулъ, всматриваясь въ лицо и стойку каждаго солдата, и затѣмъ, поблагодаривши ихъ за порядокъ, начинаю провѣрять обязанности людей на выборъ, задавая время отъ времени вопросы разводящимъ:

— Петренко, спрашиваю я, читая въ поданной мнѣ постовой вѣдомости фамплію часового поста № 3, когда ты употребишь въ дѣло оружіе?

Высокій черный, степеннаго вида, солдатъ коротко поворачи-

вааетъ ко мнѣ голову изъ строя и отчетливо, не спѣша, отвѣчаетъ:

— Такъ, что ваше—скородіе, я буду стрѣлять или колоть въ зависимости отъ случая, ваше—скородіе, для защиты своего поста номеръ... третій, противъ арестанта, совершающаго побѣгъ и для защиты самого себя, залпомъ, немного запнувшись при вспоминаніи № поста, выпалилъ Петренко.

— Хорошо!

Громкое— радъ стараться ваше—скородіе—раздается мнѣ въ отвѣтъ.

— Ну, а скажи вотъ мнѣ... Соловьевъ, спрашиваю я дальше часового съ поста № 2 у порохового погреба; что ты будешь дѣлать, когда увидишь, что возлѣ твоего поста мальчишки хотятъ развести костеръ?

— Такъ что испужаю ихъ, ваше—скородіе, закричамши — здѣся не полагаться! уходи прочь отселева!.. во!!.. мотри у меня! И онъ забавно помоталъ въ воздухъ своимъ огромнымъ и мозолистымъ кулачищемъ, вѣрно вспомнивъ, какъ училъ его на словесныхъ занятіяхъ по гарнизонному уставу внимательно теперь смотрящій на него высокій и худой ефрейторъ Степанъ Иваненко.

— Вѣрно, Соловьевъ, говорю я и продолжаю дальше свои стереотипные, уставные вопросы.

Удостоверясь, что люди свои обязанности знаютъ хорошо и въ караулѣ все дѣйствительно въ порядкѣ, я беру въ руки замусоленную, изгрызанную, деревянную ручку, вѣроятно, совершившую свой далекій путь изъ лагеря въ караулъ въ громадномъ сапожицѣ отдѣленнаго, и расписываюсь въ постовой вѣдомости:

«Въ три часа 42 мин. дня повѣрялъ караулы, все нашелъ въ порядкѣ. Люди свои обязанности знаютъ твердо.

Рундъ поручикъ Александровъ».

Затѣмъ я приказываю распустить караулъ и иду къ низкой обитой желѣзными болтами двери, сопровождаемый начальникомъ караула.

Во дворѣ, противъ склада артилерійскихъ припасовъ, тоже все тихо, мирно и спокойно; тишиной и миромъ вѣетъ и отъ сложенныхъ въ громадныя кучи черныхъ заржавленныхъ ядеръ и отъ

сгнившихъ отъ частой непогоды забракованныхъ, но когда-то крѣпкихъ пушечныхъ станинъ и огромныхъ лафетовъ, и отъ сиротливо лежащихъ въ рядъ, словно мертвецы въ своихъ сѣрыхъ уродливыхъ саванахъ, одинокихъ орудійныхъ «тѣль», и отъ перекосившейся будки часового.

Я быстро прохожу дворъ и направляюсь черезъ мостъ дальше къ близъ расположенному форту N, для провѣрки слѣдующаго очередного караула, полный интересныхъ крѣпостныхъ впечатлѣній.

II. ПОЛКЪ.

Лагерь проснулся подъ сильнымъ проливнымъ дождемъ...

Съ ранняго утра шелъ онъ не переставая, мелкой глухой дробью барабанилъ по крышамъ ротныхъ канцелярій, безжалостно хлесталъ по промокшимъ и тяжело отвисшимъ полотнищамъ солдатскихъ палатокъ, превращалъ широкую переднюю линейку въ бурно клокочущій грязный ручей, куда, словно по притокамъ, быстро несли свои темныя мутныя воды всѣ многочисленныя дорожки и тропинки громаднаго лагеря, и крупными, живыми и блестящими, какъ ртуть, каплями, злобно и дерзко стучалъ въ единственное окошко моего стараго и протекающаго по всѣмъ своимъ перегнившимъ швамъ барака. Я проснулся отъ этого шума.

Туманныя и неясныя майскія сумерки этого ранняго дождливаго утра наполняли мою комнату, посрединѣ которой стояла все безпрестанно увеличивающаяся причудливая лужа воды.

Изъ передняго караула доносился глухой и отсырѣвшій звукъ горна. То дежурный горпистъ усердно выводилъ знакомые сигналы утренняго подъема, разнося свои низкія и унылыя ноты въ пресыщенной влагой атмосферѣ.

Громадный лагерь начиналъ показывать первые признаки пробужденія.

Быстро пробѣгали солдаты, въ шинеляхъ, кое-какъ наброшенныхъ на голову, чтобы защититься отъ проливного дождя.

Рѣзво, какъ-то вподпрыжку, смѣшно и громко шлепая по грязнымъ лужамъ, словно бомба, пронесся какой-то дневальный въ полковую канцелярію.

Изъ баталіонной кухни тащили прикрытый мѣдный бакъ съ утренними мясными порціями...

Мокрые, съ кипящими чайниками въ рукахъ, откуда-то, вѣроятно тоже изъ кухни, возвращались въ свои палатки вереницы озябшихъ людей съ шумомъ, шлепаньемъ по водѣ, хохотомъ, веселой солдатской руганью и ѣдкими характерными остротами...

.

Занятія отмѣнили...

Объ этомъ мнѣ доложилъ выросшій вдругъ въ дверяхъ длинный и мокрый отъ дождя линейный моей роты Савелій Курышевъ.

Желая использовать неожиданно выпавшее свободное время, я сѣлъ къ рабочему столу, чтобы почитать только что вышедшую новую книгу германской службы генерала фонъ-Бернгарди: «Германія и ближайшая война», книгу вызвавшую столько шума и оставившую столько сильнаго, яркаго впечатлѣнія не только во Франціи и Англіи, но и у насъ.

Но не успѣлъ еще я достаточно углубиться въ заинтересовавшую меня книгу, какъ вдругъ дверь моего барака быстро отворилась и въ ней, вмѣстѣ съ шумомъ падающаго дождя и влажной сыростью ворвавшагося воздуха, показалась знакомая фигура моего большого друга, поручика Полтавцева, что-то оживленно говорящаго.

Я всталъ ему навстрѣчу и, поздоровавшись, спросилъ:

— Что ты въ такую рань?

— Да вотъ, скучно дома одному сидѣть подъ этотъ монотонный и непрекращающійся шумъ дождя, точно бросаемаго сверху какой-то злобной и разъяренной рукой... захотѣлось живого человѣка, явилось желаніе поговорить, поболтать съ тобою и хоть немного отвести душу отъ того состоянія гнетущей и болѣзненной тоски, подъ впечатлѣніемъ которой я нахожусь съ того самаго дня, какъ окончательно выяснилось, что, послѣ смерти отца, мое присут-

ствіе въ деревнѣ и сильная помощь младшимъ братьямъ болѣе чѣмъ необходимы. Грустно мнѣ одному, тоскливо, скучно, а этотъ проклятый надобдливый дождь, холодный, липкій и несносный, еще болѣе усугубляетъ мое настроеніе, сгущаетъ п безъ того уже безотрадныя мысли....

Я отложилъ книгу въ сторону и сказалъ, пожимая руку Полтавцева:

— Ну и молодчина, что зашелъ ко мнѣ. Спасибо за всегдашнее довѣріе и дружбу. Садись, не хочешь ли чаю?

Я позвонилъ.

Когда былъ поданъ чай, Полтавцевъ, нервно мѣшая ложечкой въ стаканъ и сосредоточено о чемъ-то подумавъ, сказалъ, поднявши голову:

— Знаешь что, Александровъ?

— Что? отвѣтилъ я, подвигая къ нему корзинку съ сухарями.

— Меня очень мучить мысль о томъ, что мнѣ приходится бросать полкъ, съ которымъ я такъ сжился, сроднился, къ которому привыкъ...

— Да, ты всегда былъ большой полковой патриотъ, Полтавцевъ, и я вполнѣ понимаю тебя, твои чувства, твои мысли, твое настроеніе, перебивая его, вставилъ я.

— Не придется мнѣ больше, продолжалъ Полтавцевъ, участвовать на именинахъ полка — нашемъ полковомъ праздникѣ вмѣстѣ со слетѣвшимися со всѣхъ сторонъ старыми офицерами; не буду больше видѣть я нашихъ парадовъ, слушать марши полковъ дивизіи, такіе знакомые, близкіе и бодрящіе; проводовъ товарищей съ застольными дружескими пѣснями—обычаемъ давно прошедшихъ славныхъ временъ; не увижу я и другихъ проводовъ, проводовъ запасныхъ солдатъ: трогательныя съ ними прощанія, парадный послѣдній обѣдъ, прощанье со знаменами, которымъ они несли не только всѣ свои мечты, привязанности, привычки, домашнія воспоминанія, но и думы о далекой, далекой сторонущкѣ и самое лучшее и дорогое, что было только у нихъ, оторванныхъ отъ родимой семьи—жизнь свою.... Ахъ, эти знамена, тихо говорилъ Полтавцевъ, тряся печальною опущенною головою, знамена полка родного.... Эти нѣмые, но краснорѣчивые свидѣтели болѣе чѣмъ двухсотлѣтней службы полка, эти двадцать два старыхъ, сѣдыхъ, прострѣленныхъ, истрепанныхъ временемъ и жестокими кровопролитными боями ветхихъ знамени, съ такими скромными георгиев-

скими крестами. Какой-то нервный, экзальтированный трепет овлаждает мною, когда выносят ихъ передъ строй! А наши полковья пѣсни?... Послѣ зори, съ музыкой, въ теплый лѣтній вечеръ?!

— Ты знаешь, Александровъ, я дотога много думаю о всемъ этомъ, что, стоитъ только мнѣ закрыть глаза, и картина за картиной такъ и проносятся мимо меня: особенно наша лѣтняя пятница, такъ и стоитъ передъ мною, какъ живая.... Вотъ звуки нашего полкового марша, милые, родные, зовущіе....

— Ты представляешь себѣ ихъ, Александровъ, да? Вспомнаешь ли, какъ послѣ переклички въ ротахъ, въ ожиданіи сигнала отъ дежурнаго полка, играютъ «Коль славень»? Длинные, словно замершія, линіи ротъ стоятъ на своихъ линейкахъ съ фельдфебелемъ со спискомъ впереди и должностными лицами на своихъ уставныхъ мѣстахъ. На передней линейкѣ, впереди знамени, дежурный офицеръ. Впереди, густой строй музыкантовъ, а дальше— барабанщики всего полка, горнофлейтисты и съ застывшей въ воздухѣ поднятой рукой, лихой полковой барабанщикъ—бородачъ. Иванъ Халкопфъ.... Старые, тѣнистые каштаны едва шевелятъ своими листьями.... Мы всѣ офицеры учебной командой, во главѣ съ поручикомъ Арасенко, смирно стоимъ на правомъ флангѣ, въ рядъ, по старшинству и тоже не шелохнемся. А у меня, молодого, нервнаго, беспокойнаго, «быстраго», какъ прозвали меня товарищи, думы, думы и думы.... И всѣ онѣ, до одной, полны полкомъ и только полкомъ, нашимъ старымъ роднымъ полкомъ, и робкими еще кадетскими и юнкерскими воспоминаніями о желаніи служить въ немъ, въ томъ самомъ полку, гдѣ служилъ мой отецъ, дѣдъ и въ 1812 году былъ убитъ мой прадѣдъ. Я стою и думаю о томъ, какъ было раньше, какъ раньше проходила такая же полковая пятница въ давно прошедшія полковья времена, когда играли этотъ же самый историческій полковой маршъ и такъ же смирно, навтыяжку, стояли роты передъ своими старыми почернѣлыми образами съ такъ же ласково горящимъ неугасимыми лампадами, въ близкомъ ожиданіи сигнала къ общей вечерней молитвѣ....

Затихло все. Спускается тихій вечеръ. Солнце зашло за густыя зеленья вершины офицерскаго сада, бросая косыя сине-дымчатая полосы на убранные стога недавно скошеннаго сѣна, на обнаженное большое поле, на пыльную дорогу и блестящіе инструменты музыкантовъ. И это солнце, и стога, и музыканты, и выровненные ли-

ни ротъ, и прохладныя струи полевого вѣтерка, несущія такой сплъ-
ный ароматный запахъ свѣже-скошеннаго сѣна, все это какимъ-то
мирнымъ и тихимъ, успокаивающимъ порывомъ несетя мнѣ въ
душу, оставляя сладкій осадокъ душевнаго спокойствія, полкового
счастья, неизъяснимаго радостнаго подъема....

.... Рѣзкій и высокій звукъ горна прорѣзаетъ воздухъ. Раз-
даются команды по всѣмъ ротамъ: «На молитву, шапки !долой!»
Разъ, два, три! — срываются въ тактъ приѣма безкозырки и
снова все тихо... Молитва, хоровое пѣніе, чистые, молодые и
искренніе голоса, звуки, бѣгущіе изъ народной души и полногo
русскаго сердца. Широкіе истовые кресты... Отбой!

А въ собраніи уже музыка! Оно сіяетъ огнями; тамъ гости,
тамъ веселье, танцы, шумъ голосовъ и посуды, движеніе, жизнь...
Кругомъ темно. Далеко въ полѣ, на фортѣ литера N уже зажигается
первый вечерній караульный огонекъ и мерцаетъ онъ, одинокій
и желтый, среди огромнаго, все темнѣющаго пространства воен-
наго поля...

Надъ нами опрокинулась необозримая по своимъ размѣрамъ,
блестящая, радужная, хрустальная чаша, полная яркихъ прыгаю-
щихъ и переливающихся разноцвѣтныхъ каменевъ, рубиновъ,
брилліантовъ, сапфировъ, аквамариновъ, самыхъ чудныхъ сказоч-
ныхъ окрасокъ, тѣней и оттѣнковъ, дивныхъ звѣздныхъ блестокъ,
словно тысячи пламенно горящихъ граненыхъ лампадокъ передъ
престоломъ Всевышняго...

— А помнишь, дорогой Александровъ, какъ часто гуляли мы
съ тобою по большой дорогѣ передъ лагерями, любуясь этими ти-
хими лагерными вечерами и дѣлясь впечатлѣніями пережитой
трудоу недѣли?

Полтавцевъ передохнулъ, выпилъ глотокъ чая и продолжалъ:

— Понимаешь-ли ты теперь меня, Александровъ, понимаешь ли
ты, какъ тяжело разставаться мнѣ со всѣмъ этимъ, съ полкомъ,
знаменами, товарищами, лагерями, нашей кипучей жизнью, ка-
раулами и маневрами, которые я особенно люблю?

Вотъ что не даетъ мнѣ положительно никакого покоя и такъ
нужнаго равновѣсія души, вотъ надъ чѣмъ я задумываюсь и вотъ
отчего мнѣ даже и теперь такъ грустно и тоскливо. Я стараюсь по-
давить въ себѣ эти волненія, эту полковую грусть, но, увы, мнѣ это
плохо удается одному, впечатлительному, увлекающемуся, мелан-
холическому.

Полтавцевъ кончилъ говорить, залпомъ выпилъ заходѣвшій стаканъ чая и замолкъ, опустивши голову на руки. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, тѣмъ болѣе тягостное, что и я собирался съ мыслями.

Дождь пересталъ, хотя съ листьевъ деревьевъ и продолжали падать послѣднія крупныя дождевыя капли.

— Послушай, Полтавцевъ, сказалъ я, наконецъ, нарушая молчаніе своего притихшаго друга. Я зналъ всегда, что ты большой полковой патріотъ, но никогда не могъ думать, чтобы ты смогъ съ такимъ большимъ духовнымъ подъемомъ полкового чувства набросать всѣмъ намъ дорогую картину жизни нашего родного полка; вотъ почему и въ силу чего я право задумываюсь, что отвѣтить и сказать тебѣ... Но мнѣ кажется, что лучшее, что смогъ бы я посоветовать и предложить—это взять себя въ руки и уѣхать поскорѣе домой; тамъ, въ деревнѣ, рядомъ съ природой и семьей, ты можешь быть и успокоишься, уйдешь въ дѣло, работу, а потомъ увидишь, что скажетъ тебѣ твоя собственная судьба, отдѣляющая тебя теперь отъ насъ, та судьба, которая словно былинками играетъ нами военными. Можетъ быть ты женишься, а можетъ быть судьба рѣшитъ иначе и ты вернешься въ полкъ и будешь снова работать вмѣстѣ съ нами.

— Да, ноднялъ голову Полтавцевъ, я такъ и сдѣлаю; ноѣду поскорѣе въ деревню, а потомъ, и онъ махнулъ безнадежно рукою, что судьба скажетъ!

Онъ всталъ, одѣлъ свою непромокаемую накидку и вышелъ вмѣстѣ со мною на балконъ.

Дождь совсѣмъ пересталъ; изъ-за хмурой расщелины грязныхъ сѣрыхъ тучъ, на громадный бѣлый лагерь, брызнуло вдругъ нѣжнымъ пурпуромъ мягкихъ золотистыхъ лучей высокое и яркое солнце, и веселыми прыгающими бликами заиграло оно по широкимъ дождевымъ лужамъ, многочисленнымъ дорожкамъ лагеря, ажурной листвѣ стройныхъ березокъ и чистымъ хорошо промытымъ крышамъ ротныхъ канцелярій.

Я стоялъ и думалъ о томъ, что говорилъ мнѣ Полтавцевъ, и о томъ, что въ нашемъ полку есть дѣйствительно что-то притягательное, близкое и родное, что-то особенно дорогое и милое, что такъ неудержимо влечетъ и привязываетъ къ себѣ навсегда, на всю жизнь военную, трудную и тяжелую. Что офицеры, эти незамѣнимые носители духа своего полка, раздувши старый горнъ полко-

выхъ традицій, дѣятельно куютъ теперь свои мечи боевые и крѣпкими любящими свое дѣло руками неустанно закаляютъ ихъ, освѣняемые свѣтлыми и радужными тонами дорогихъ мечтаній желаннаго реванша.

А. Лангъ.

